

ПИСАТЕЛЬ НЕ МОЖЕТ ПЛЕСТИСЬ В ХВОСТЕ СОБЫТИЙ, ОН ОБЯЗАН ИТТИ В ПЕРЕДОВЫХ РЯДАХ НАРОДА, УКАЗЫВАЯ НАРОДУ ПУТЬ ЕГО РАЗВИТИЯ

(Из доклада т. Жданова о журналах „Звезда“ и „Ленинград“)

Могучее средство воспитания советской молодежи

Центральный Комитет ВКП(б) определяет задачи советской литературы...

Наше социалистическое государство, партия Ленина — Сталина неустанно стремятся к тому, чтобы советские юные поколения росли и воспитывались в духе большевистской морали...

Величие советского патриотизма, истинная красота жизни понимаемая нашими юными и детьми как организационная необходимость быть сознательными членами борющейся за построение коммунизма в нашей стране...

«Андрей! Андрей! Мы ж с тобой юные люди, не нам с тобой считать, какой великий труд на благо народа пал в жизни на наши плечи! А немало было в жизни жизни и суевы, бумажки, формы, внешнее, казовое, согласованное, да прелесть-приятельского...»

После победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ приступил к выполнению грандиозного плана новой сталинской пятилетки...

Вот почему советское государство настойчиво требует от всех, кому доверено дело воспитания трудящихся и прежде всего нашей молодежи, чтобы они, эти работники идеологического фронта, всемерно способствовали росту принципиальных сознательных строителей коммунистического общества...

В свете этих важнейших задач особое значение приобретает работа детских и юношеских журналов...

Трибуна детского и юношеского журнала — высокая и почетная ответственность. Большая честь и громадная ответственность...

Во все время Алексей Максимович Горький писал: «Прямо ребенка свойственно стремление к яркому, необычному. Необычайным и ярким у нас в Союзе является то новое, что создает революционная энергия рабочего класса...»

Именно эта грубая ошибка редакций детских и юношеских журналов сделала возможным пропускание на их страницах бездельных, апатичных, чуждых советской литературе произведений...

Редакция журнала «Костер» не только печатала гнилые антихудожественные статьи Зощенко, но и прославляла этого пошляка...

образе советской жизни не пользовались вниманием редакции.

Обывательским духом несет от опубликованного в первом номере журнала рассказа Л. Пантелеева «Удивительное путешествие Макара Телятникова»...

Неизвестно, почему в ходу оказались «творчески» развлекательности и занимательности, которые будто бы сами по себе дают произведение право на существование.

Важнейшей задачей литературно-художественных журналов для детей и юношества является воспитание вкуса молодого поколения.

Побь вот кончилась война, снова в светской красоте цветет сад и в него входит новый возлюбленный, которого тоже полюбил не мог отличить от его погибшего мужа...

По вот кончилась война, снова в светской красоте цветет сад и в него входит новый возлюбленный, которого тоже полюбил не мог отличить от его погибшего мужа...

Трибуна детского и юношеского журнала — высокая и почетная ответственность. Большая честь и громадная ответственность...

Во все время Алексей Максимович Горький писал: «Прямо ребенка свойственно стремление к яркому, необычному. Необычайным и ярким у нас в Союзе является то новое, что создает революционная энергия рабочего класса...»

Горький неоднократно подчеркивал: «Героическое дело требует героического слова». Он боролся за искусство, в котором отразился бы со всей возможной силой слова и полнотой героям рабочего класса...

Постановление Центрального Комитета ВКП(б) обязывает нас повысить идейный уровень и поднять воспитательное воздействие детских и юношеских журналов на умы и сердца читателей.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ИДЕЙНОСТЬ — ОСНОВА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В Большом зале Дома ученых 17 сентября состоялось общесоюзное собрание писателей...

В президиуме — А. Фадеев, К. Симонов, В. Бицинский, Н. Тихонов, В. Катаев, Л. Леонидов, Б. Горбатов, В. Инбер, В. Лебедев-Кумач, Ф. Гладков и другие видные советские писатели.

С большим воодушевлением принимается предложение — избрать в почетный президиум членом Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.

Председатель собрания Б. Горбатов представляет слово для доклада Александру Фадееву.

— Постановление ЦК партии, — говорит А. Фадеев, — требует от писателей и от их организации коренного перелома во всей работе по идейно-художественному воспитанию народа.

Постановление ЦК ВКП(б) с предельной ясностью освещает единственно верный и истинный путь, следуя по которому только и может развиваться советская литература: благородный путь служения советскому народу, советскому государству...

А. Фадеев говорит да еще о великой русской литературе, о ее высочайших идеалах, о ее благородных традициях, продолжаясь мых советской литературой, путь которой освещен учением Ленина и Сталина.

Как же получилось, что мы давали трибуну представителям таких литературных течений, которые, в сущности говоря, уже давным-давно были осуждены нашей марксистско-ленинской критической мыслью и глубоко чужды самой природе нашего общества и духу нашей литературы?

Докладчик делает острый анализ предревольционных литературных групп, явившихся выражением идейного и морального распада и сложившихся под влиянием аналогичных западно-европейских школ.

Целая категория нашей поэтической интеллигенции воспитывалась в период, когда господствовали — не в народе, конечно, а в литературных кругах определенного толка...

Я хочу остановиться в этой связи на поэтической работе Сельвинского, в частности относящейся к раннему периоду. Всем известно, что у Сельвинского есть хорошие стихи, и, однако, известно, с другой стороны, что у Сельвинского есть целый ряд произведений, которые чужды идеологии нашего народа...

Все это происходит потому, что старые эстетические представления, глубоко чуждые нашей социалистической эстетике, еще жили в Сельвинском, и он, войдя в советскую литературу, думает, что может сохранить некоторый багаж ложных исторических, моральных и эстетических представлений.

Вся беда нашей литературной критики состоит в том, что мы во-первых не указываем на эти идейные провалы в творчестве Сельвинского и поэтов этой же линии.

Вспомним Маяковского. Ведь он тоже начал свое творчество в период господства бездельных литературных школ. Но он перешел через них, он сразу сомкнулся с великой революционной демократической линией русской поэзии, стал во главе нашей советской поэзии.

На общесоюзном собрании писателей

Важнейшая задача нашей критики — пересмотреть творчество поэтов, и старшего и младшего поколения, для того, чтобы внести полную идейную ясность в перспективы развития советской литературы...

Ведь у нас есть примеры того, как писатели решительно освобождаются от влияния бездельных школ. Возьмем путь Антокольского. На всем его протяжении даже в советский период мы не раз замечали следы этих влияний.

Вера Инбер в начале своего поэтического пути, может быть, ближе всего была к линии Ахматовой. И с какой решительностью она освободилась от этого ступенчатого влияния, по которому поэту и поэту и может развиваться советская литература...

Далее докладчик подробно анализирует платформу «Серапионовых братьев», которая являлась выраженным бездельным, апатичным отношением к искусству.

Вот откуда вырос напевизм Зощенко, — указывает А. Фадеев. — И нельзя не испытывать чувства стыда при мысли о том, что на протяжении многих лет никто из нас не задумался над тем, как может существовать рядом с нами человек, который говорит только дурное о советских людях.

Постановление ЦК партии, характеризует по-разному Зощенку и Ахматову, показывает в то же время, что их объединяет общая апатичная, чуждая нам идейная концепция.

Вы знаете, что пребывание в формалистической группе «Серапионовых братьев» вредно сказалось на работе некоторых писателей. Конечно, принадлежность к группе для них людей бывает хотя и не случайной, но и не так уж глубоко закономерной.

Необходимо внести полную идейную ясность в наше литературное хозяйство. Поэтому различный род ошибок выявляется не самими в резолюции нашего президиума с такой суровостью осудили ошибки наших журналов и правления ЦСН во главе с прежним его председателем Н. Тихоновым.

Переходя к задачам критики, А. Фадеев указывает: — Критика наша повинна в тех идейных провалах и ошибках, о которых мы сегодня говорим.

Критика наша повинна в тех идейных провалах и ошибках, о которых мы сегодня говорим. Формалистическая линия перелетает в нашей критике к субъективизму оценок. Утрачено то правило, о котором говорил великий Белинский: «проверить искусство действительностью».

Другой грех нашей критики — стремление обойти острые идейные вопросы. — Мы не можем дальше расти и развиваться, если корнем образом не лучшим нашу литературную критику.

Но, прежде всего, мы должны освободиться от ложных, формалистических, субъективно-эстетских представлений. Нам нужна критика, которая стояла бы на вершине передовых идей нашего времени и умела бы всему найти место, верно указать бы на ошибки.

Наша критика должна совершить коренной поворот к тем современности, к тем новой сталинской пятилетки. Мы должны возобновить наш метод творческих командиров, который в свое время дал положительный результат.

Очень большой отряд наших писателей участвовал в войне. Это нашло свое отражение в литературе военного времени. Но напрасно товарищи, бывшие на войне, думают, что этим завершены их жизненный опыт.

Основная задача нашей литературы, говорит А. Фадеев, отобразить в произведениях большой художественной и идейной силы положительного героя сталинской эпохи во всем богатстве его чувств и переживаний.

Тов. Жданов в своем выступлении на I Съезде советских писателей раскрыл основы социалистического реализма. Мы не подхватили этого указания тов. Жданова, а сейчас, как никогда, задачи литературы требуют от нас ясного понимания основных вопросов социалистического реализма.

Постановление ЦК партии, — заключает свою речь А. Фадеев, — зовет нас к тому, чтобы мы оценивали явления с большой идейной высоты, с наших передовых исторических позиций, чтобы мы дали отпор чуждым идейным влияниям, в каких бы формах они ни проявлялись, чтобы мы расчленили нашим художникам путь для развития их творчества.

После доклада развернулись оживленные прения, которые прошли в атмосфере самокритики, свидетельствующей о глубоком понимании исторического значения указаний нашей литературы указаний Центрального Комитета партии.

— За время нашего пребывания в литературе нам никогда не приходило в голову испытывать чувство стыда, когда мы выйдя из страны и для моря, когда корабль наш идет сквозь небывалую бурю, в момент всеобщего напряжения труда раздается горький упрек с капитанского мостика нам, писателям, которые по традиции считают себя советью народа.

Пусть каждый из нас оглянется на пройденный путь и спросит себя, сделал ли он то, что так терпеливо ждал от него народ: все ли он сделал, не был ли он неточен, небрежен или слеп и нерадив.

Много и горячо говорит Л. Леонов о работе советских литераторов, о творческом дружбе, товарищеском внимании, высокой ответственности и взаимном уважении к писательскому труду.

— На многочисленных пресс-конференциях, в которых нам пришлось принять участие, большей частью главенствовали представители реакционной печати; они изощрялись в самых разнообразных клеветнических выпадах против нашей страны.

И об этом мы не имеем права забывать во всем мире. И если среди нас окажется люди, которые способны сказать — а поехать, отдохнуть, или а поехать собирать цветы, то мы должны осудить их как дезертиров.

Резко критикуя творчество Зощенко, В. Катаев подчеркивает, что провал Зощенко не должен бросать тень на работу советских сатириков.

— В последнее время, — говорит В. Катаев, — незаметно для себя мы стали немножко объявлять, примиренными, начали бояться говорить друг другу правду.

повление Центрального Комитета партии заставило нас по-новому взглянуть на нашу работу, как бы наполнило нашу жизнь свежим воздухом.

— История литературы — живое свидетельство того, что всякая попытка художника стать «над схваткой» вводит его во враждебный лагерь, в творчество его заводит в тупик, — говорит Л. Субоцкий.

В доказательство этого положения он приводит обширную цитату из автобиографии Зощенко, сделанной в 1944 г. С ищущей открытостью сформулировал в ней Зощенко свое «средо», открыто заявил о своем полном политическом nihilismе. Л. Субоцкий говорит о притуплении политической зоркости, низком теоретическом уровне нашей критической мысли.

Советский критик должен прежде всего быть политиком — такова центральная мысль выступления В. Перцова. Он обличает литературного объявателя, который живет вне политики и не столько любит литературу, сколько занимается любительством.

В. Перцов говорит о том, что критика должна быть публицистической. Важнейшим условием для ее развития является политическая закалка наших критических кадров.

С. Кирсанов в своей речи осуждает бюрократизм, оторванность от широкой литературной общественности прежнего руководства Союза писателей.

— Мы истосковались по профессиональному разговору и горячему спору, — говорит он, — нужно вернуть в союз общественную жизнь, нужно стремиться расчленивать, а не сужать актив писателей, прислушиваться к мнению более широкого круга литераторов.

С. Кирсанов критикует Н. Тихонову не только как руководителя союза, но и как поэта, опубликованного в журнале «Звезда» ряд стихов, слабых в идейном и художественном отношении. Он вспоминает воинствующую непримиримость В. Маяковского ко всякой пошлости, бездельности, апатичности в искусстве.

С. Кирсановым строки Маяковского, разоблачающие мешанство и пошлость зощенковских писаний и салонность поэзии Ахматовой.

А. Каравева посвящает свое выступление критике областной комиссии Союза писателей, в работе которой она принимала активное участие. В качестве примера недостаточно серьезного и вдумчивого отношения к явлению литературы А. Каравева приводит обсуждение журнала «Сибирские огни», которому члены областной комиссии дали поверхностную и необоснованно положительную характеристику.

Писатели, работавшие в областной комиссии, сделали немало полезного для литераторов, живущих далеко от Москвы, но в то же время они не всегда с достаточной ответственностью и вниманием относились к творческому росту своих товарищей.

— Постановление Центрального Комитета партии раскрыло мне глаза на мою работу, — говорит Л. Никитин. — Я увидел, что утрачен чувство ответственности, и ужаснулся несоответствию к жизни того, что я написал. Несмотря на протирание и горячий неудачи, я работаю сейчас с большим подъемом, я еду в Донской бассейн, чтобы написать новый сценарий и доказать, что мои ошибки не являются для меня органическими пороками.

— Идейная и политическая ясность, определенность эстетической концепции — вот что мы обязаны требовать от себя, вот первый вывод из постановления ЦК ВКП(б) для каждого из нас, — говорит А. Бек. Но тут же А. Бек отступает от выдвинутых им требований, пытаясь защитить от критики недавно опубликованную идейно-порочную пьесу Вас Гроссмана «Если верить лифтоводам».

— В мире происходит идеологическая борьба между силами прогресса и демократии, с одной стороны, и силами реакции и мракобесия, с другой. Международная реакция пытается дискредитировать все передовое, все прогрессивное в сфере идеологических и идеологических движений, попыток отравить сознание и волю простого человека ядом ложных идей.

— В мире происходит идеологическая борьба между силами прогресса и демократии, с одной стороны, и силами реакции и мракобесия, с другой. Международная реакция пытается дискредитировать все передовое, все прогрессивное в сфере идеологических и идеологических движений, попыток отравить сознание и волю простого человека ядом ложных идей.

— Постановление ЦК ВКП(б), — продолжает В. Ерилов, — требует от нашей критики повышения идейной принципиальности и непримиримости ко всем враждебным влияниям в литературе. Эта высокая принципиальность в отношении к нашей родной литературе и должна опеделить всю деятельность Союза писателей.

Вопросом воспитания молодых литературных кадров были посвящены выступления В. Инбер, Ф. Гладкова и А. Жарова. Если А. Жаров указывает на недостатки в работе с литературной молодежью в поэтической секции Союза писателей и Литературном институте им. Горького, образующий незнание действительного положения вещей, то Ф. Гладков, дав Жарову справедливую отповедь, в свою очередь подчеркивает необходимость к молодежи издать многократное издание воспитания молодых поэтов в Литературном институте.

В единственно принятом постановлении собрания молодых писателей подчеркивается необходимость в резолюции президиума ЦСН 4 сентября.

На общесоюзном собрании писателей. В президиуме (слева направо): А. Фадеев, В. Лебедев-Кумач, Б. Горбатов, В. Бицинский и Л. Леонидов. Фото В. Сидорова.

Доклад т. Жданова о журналах „Звезда“ и „Ленинград“

Товарищи!

Из постановления ЦК ясно, что наиболее грубой ошибкой журнала «Звезда» является предоставление своих страниц для литературного творчества Зощенко и Ахматовой. Я думаю, что мне не нужно повторять здесь «произведение» Зощенко «Приключения обезьяны». Видимо, вы все его читали и знаете лучше, чем я. Смысл этого произведения Зощенко заключается в том, что он изображает советских людей бездельниками и уродами, людьми глупыми и примитивными. Зощенко совершенно не интересуется труд советских людей, их успехи и героизм, их высокое общественное и моральные качества. Эта тема всегда у него отсутствует. Зощенко, как мясник и пошляк, избрал своей постоянной темой копание в самых низменных и мелочных сторонах быта. Это копание в мелочах быта не случайно. Оно свойственно всем пошлым мясницким писателям, в котором относится и Зощенко. Об этом много говорит в свое время Горький. Вы помните, как Горький на съезде советских писателей в 1934 году клеймил, с позволения сказать, «литераторов», которые дальше копяти на кухне и бани ничего не видят.

«Приключения обезьяны» не есть для Зощенко нечто выходящее за рамки его обычных писаний. Это «произведение» пошло в поле зрения критики только лишь как наиболее яркое выражение всего того отрицательного, что есть в литературном творчестве Зощенко. Известно, что со времени возвращения в Ленинград из эвакуации Зощенко написал ряд вещей, которые характерны тем, что он не способен найти в жизни советских людей ни одного положительного явления, ни одного положительного типа. Как и в «Приключениях обезьяны», Зощенко привык глумиться над советским бытом, советскими порядками, советскими людьми, прикрывая это глумление маской пустошнейшей развлекательности и никчемной юмористики.

Если вы повнимательнее прочтаетесь и вдумаетесь в рассказ «Приключения обезьяны», то вы увидите, что Зощенко наделяет обезьяну ролью высшего судьи наших общественных порядков и заставляет читать нечто вроде морали советским людям. Обезьяна представлена как некое разумное начало, которое даю устанавливать оценки поведения людей. Изображение жизни советских людей, парочку уродливых, карикатурное и пошлое, понадобилось Зощенко для того, чтобы вложить в уста обезьяны галенскую, отравленную антисоветскую сенсацию насчет того, что в зоопарке жить лучше, чем на воле, и что в клетке легче дышится, чем среди советских людей.

Можно ли дойти до более низкой степени морального и политического падения, и как может Ленинград торпеть на страницах своих журналов подобное нагнетание и непопулярность?

Если «произведения» такого сорта приносятся советским читателям журналом «Звезда», то как слаба должна быть бдительность ленинградцев, руководивших журналом «Звезда», чтобы в нем можно было помещать произведения, отравленные ядом зоологической враждебности к советскому строю. Только недобросовестная редакция могла допустить подобную «пропаганду» и только люди слабые и апатичные могут давать им ход.

Говорят, что рассказ Зощенко охотился Ленинградские эстрады. Насколько должно было ослабнуть руководство идеологической работой в Ленинграде, чтобы подобные факты могли иметь место!

Зощенко с его омерзительной моралью удалось проинкрутить на страницы большого ленинградского журнала и устроить там со всеми удобствами. А ведь журнал «Звезда» — орган, который должен воспитывать нашу молодежь. Но может ли справиться с этой задачей журнал, который привнес в себя такого пошляка и несвоего писателя, как Зощенко? Разве редакция «Звезды» неизвестна физиономия Зощенко?!

Весь совсем еще недавно в начале 1944 года, в журнале «Большевик» была подвергнута жестокой критике возмущительная повесть Зощенко «Перед восходом солнца», написанная в разгар освободительной войны советского народа против немецких захватчиков. В этой повести Зощенко выворачивает наизулку свою пошляку и низкую душоночку, делая это с нагнетанием, со смакованием, с желанием показать всем: — смотрите, вот какой я хулиган.

Трудно понять в нашей литературе что-либо более отвратительное, чем та «мораль», которую проповедует Зощенко в повести «Перед восходом солнца», изображая людей и самого себя как гнусных позолотивших зверей, у которых нет ни стыда, ни совести. И эта мораль он преподнес советским читателям не тот период, когда наш народ обильно кровью в неслыханно тяжелой войне, когда жизнь советского государства висела на волоске, когда советский народ нес неисчислимые жертвы во имя победы над немцами. А Зощенко, ослепший в Алма-Ате, в глубоком тылу, ничем не помог в то время советскому народу в его борьбе с немецкими захватчиками. Совершенно справедливо Зощенко был публично высечен в «Большевике», как чудовищный представитель литературы оккупационной и пошляка. Он наивен тогда на общественное мнение. И вот, не прошло еще двух лет, не прошли еще чернила, которыми была написана рецензия в «Большевике», как тот же Зощенко триумфально возвращается в Ленинград и начинает свободно разгуливать по страницам ленинградских журналов. Его охотно печатают не только «Звезда», но и журнал «Ленинград». Ему охотно и с готовностью предоставляют театральные аудитории. Больше того, ему дают возможность занять руководящее положение в Ленинградском отделении Союза писателей и играть активную роль в литературных делах Ленинграда. На каком основании вы даёте Зощенко разгуливать по сценам и дарам ленинградской литературы? Почему партийный актив Ленинграда, его писательская организация допустили эти позорные факты?!

Насколько гнилая и развратная общественно-политическая и литературная физиономия Зощенко оформилась не в самое последнее время. Его современные «произведения» вовсе не являются случайными. Они являются лишь продолжением всего того литературного «наследства» Зощенко, которое ведет начало с 20-х годов.

Кто такой Зощенко в прошлом? Он являлся одним из организаторов литературной группы так называемых «Сергачевых братьев». Какова была общественно-политическая физиономия Зощенко в период организации «Сергачевых братьев»? Позвольте обратиться к журналу «Литературные записки» № 3 за 1922 год, в котором утверждены этой группы излагали свое credo. В числе прочих утверждений там помещен «символ веры» и Зощенко в статье, которая называется «О себе и еще кое о чем». Зощенко, никого и ничего не стесняясь, публично объявляет и совершенно открыто высказывает свои политические, литературные взгляды. Послушайте, что он так говорил:

«Вообще писателем быть очень трудно. Скажем, та же идеология... Требуется нечто от писателя идеология... Этакая, право, мне неприятность»...

«Какая, скажете, может быть у меня «точная идеология», если я не одна партия в целом меня не привлекает?»

«С точки зрения людей партийных я беспринципный человек. Пусть сам же я про себя скажу: я не коммунист, не эсер, не монархист, а просто русский и к тому же политически безразличный»...

«Честное слово дам — не знаю до сих пор, ну хоть, скажем, Гучков... в какой партии Гучков? А что он знает, в какой он партии. Знаю: не большевик, но эсер или или кадет — не знаю и знать не хочу» и т. д. и т. п.

Что вы скажете, товарищи, об этой идеологии? Прошло 25 лет с тех пор, как Зощенко поместил эту свою «символическую» декларацию. Изменился ли он с тех пор? Незаметно. За два с половиной десятка лет он не только ничему не научился и не только никак не изменился, а, наоборот, с диким открытием продолжает оставаться проповедником бездельности и пошлости, беспринципным и бесчестным литературным хулиганом. Это означает, что Зощенко как тогда, так и теперь не нравятся советские порядки. Как тогда, так и теперь он чудит и враждует советской литературе. Если при всем этом Зощенко в Ленинграде стал чуть ли не корифеем литературы, если его переводят на

ленинградском Парнасе, то остается только поражаться тому, до какой степени беспринципности, нетребовательности, лезыскательности и неразборчивости могли дойти люди, прокладываящие дорогу Зощенко и поощряющие ему славословия!

Позвольте привести еще одну выдержку из физиономии так называемых «Сергачевых братьев». В тех же «Литературных записках» № 3 за 1922 год другой сергачевец Лев Луц также пытается дать идейное обоснование того вредного и чудного советской литературе направления, которое представляла группа «Сергачевых братьев». Луц пишет:

«Мы собрались в дни революционного, в дни мощного политического напряжения. «Кто не с нами, тот против нас!» — говорили нам справа и слева, — с кем же вы, Сергачевы братья — с коммунистами или против коммунистов, за революцию или против революции?»

«С кем же вы, Сергачевы братья? Мы с коммунистом Сергачевым»...

«Слишком долго и мучительно правила русской литературы общественность... Мы не хотим утилитаризма. Мы пишем не для пропаганды. Искусство реально, как сама жизнь, и, как сама жизнь, оно без цели и без смысла, существует потому, что не может не существовать».

Такова роль, которую «Сергачевы братья» отводят искусству, отнимая у него идейность, общественное значение, провозглашая бездельность искусства, искусство ради искусства, искусство без цели и без смысла. Это и есть проповедь гнилого апатизма, мясничества и пошлости.

Какой вывод следует из этого? Если Зощенко не нравятся советские порядки, что же прикажете: приспосабливаться к Зощенко? Не нам же перестраиваться во вкусах. Не нам же перестраивать наш быт и наш строй под Зощенку. Пусть он перестраивается, а не хочет перестраиваться — пусть убирается из советской литературы. В советской литературе не может быть места гнилым, устам, бездельным и пошлым произведениям. (Бурные аплодисменты).

Вот из чего исходил ЦК, принимая решение о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Переходя к вопросу о литературном творчестве Аны Ахматовой. Ее произведения за последнее время появляются в ленинградских журналах в порядке расширенного воспроизводства. Это так же удивительно и противостоит, как если бы кто-либо сейчас стал воспроизводить произведения Мережковского, Вячеслава Иванова, Михаила Кузмина, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба, Зинаиды Анненковой и т. д. и т. п. т. е. всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве.

Горький в свое время говорил, что десятилетия 1907—1917 годов заслуживает имени самого позорного и самого бездарного десятилетия в истории русской интеллигенции, когда после революции 1905 года значительная часть интеллигенции отвернулась от революции, скатилась в былого реакционного мистицизма и порнографии, провозгласив бездельность своим знаменем, прикрыв свое ренегатство «красивой» фразой: «Я и жажду все, чему поклоняюсь, поклоняюсь тому, что скитался». Именно в это десятилетие появились такие ренегатские произведения, как «Коль блудный» Рощина, произведения Винниченко и других дегенерированных лагеря революции в лагерь реакции, которые горлопанически развешивать те высокие идеалы, за которые боролась лучшая, передовая часть русского общества. На свет вышли символы, имажинисты, декаденты всех мастей, отвратившись от народа, провозгласившие тезис «искусство ради искусства», проповедовавшие бездельность в литературе, прикрываясь свое идейное и моральное растение погоней за красивой формой бедоубийства. Всех их обстригли звериный страх перед грубой протектарской революцией. Достаточно напомнить, что одним из крупнейших идеологов этих реакционных литературных течений был Мережковский, называвший грядущую пролетарскую революцию «страшущим Хамаем» и встретивший Октябрьскую революцию зоологической злобой.

Аня Ахматова является одним из представителей этого бездельного реакционного литературного болота. Она принадлежит к так называемой литературной группе акмеистов, вышедших в свое время из ряса символизма, и является одним из знаменосцев гнилой, бездельной, аристократической-салонной поэзии, абсолютной чудовищной советской литературе. Акмеисты представляли из себя крайне индивидуалистическое направление в искусстве. Они провозгласили теорию «искусства для искусства», «расчеты ради самой красоты», зная ничего не хотели о народе, о его нуждах и интересах, об общественной жизни.

По социальным своим истокам это было дворянско-буржуазное течение в литературе в тот период, когда для аристократии и буржуазии были сочинены и тогда поэты и идеологи господствующего класса стремились укрыться от неприятной действительности в абстрактные высоты и туманы религиозной мистики, в мизерные личные переживания и кояние в своих мелках душонок. Акмеисты, как и символисты, декларируют и приносе представители разлагавшейся дворянско-буржуазной идеологии, были проповедниками упадочничества, несиимизма, веры в потусторонний мир.

Тематика Ахматовой наскавоз индивидуалистическая. До убожестве ограничен диапазон ее поэзии. — поэзия замкнутая, барьерная, мещущая между будущим и мименой. Основное у нее — это любовно-эротические мотивы, пережитые с мигами грусти, тоски, смерти, мистики, оброчности. Мотив оброчности — чувство, повинуясь от общественного сознания вымаренной группы — мрачные тона предельной бездельности, мистические переживания пошляка и эротика — такой духовный мир Ахматовой, одного из осколков безвозвратно канувшего в вечность мира старой дворянской культуры, «добрых старых екатеринских времён». Не то монахи, не то буддисты, а вернее буддисты и монахи, у которой будд смешан с молитвой.

«По кланюсь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой кланюсь
И ношей наших пламенных чатом...»
(Ахматова, «Анпо Domini»).

Такова Ахматова с ее маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой.

Ахматовская поэзия совершенно далека от народа. Это — поэзия десяти тысяч верхних старой дворянской России, обреченных, которым ничего уже не оставалось, как только выдыхать по добродурию старому времени. Помещицы усадеб екатеринских времён с вековыми лиловыми аллеями, фонтанами, статуями и обветшалыми гербами на воротах. Дворянский Петербург; Царское Село; вокзал в Павловке и прочие реальные дворянские культуры. Все это кануло в невосвратное прошлое! Осколок этой далекой чудной культуры, каким-то чудом сохранившимся до наших времён, ничего уже не остается делать, как только замкнуться в себе и жить химерами. «Все расхищено, предано, продано», — так пишет Ахматова.

Об общественно-политических и литературных идеалах акмеистов один из видных представителей этой группы, Осип Мандельштам, незадолго до революции писал: «Любовь к организму и организации акмеисты разделяют с физиологически генетически средневековьями... Средневековья, определяя по-прежнему узкий круг человека, мучительно и принижают его за каждым, совершенно независимо от его заслуг... Да Европа прощай, Европа прощай лабиринт ажурно-тонкой культуры, когда абстрактное бытие, ничем не прикрашенное личное существование считалось как поэзия. Оттуда аристократическая выжимка, связу-

ющая всех людей, столь чуждая по духу «равенству и братству» великой революции... Средневековья дорого нам потому, что обладали в высокой степени чувством грани и перегадок... «Благородная смесь рассудочности и мистики и ощущение мира, как живого равновесия, роится нас с этой эпохой и побуждает черпать силы в произведениях, возникших на романской почве около 1200 года».

В этих высказываниях Мандельштама развернута чаяния и идеалы акмеистов. «Назад к средневековью» — такой общественный идеал этой аристократической-салонной группы. Назад к средневековью — перекалится с ней Зощенко. Кстати сказать, и акмеисты, и «Сергачевы братья» ведут свою родословную от общих предков. И у акмеистов, и у «Сергачевых братьев» общим родоначальником являлся Гофман, один из основоположников аристократическо-салонного декадентства и мистицизма.

Почему вдруг понадобилось популяризировать поэзию Ахматовой? Какое она имеет отношение к нам, советским людям? Почему нужно предоставлять литературную трибуну всем этим упадочным и глубоко чуждым нам литературным направлениям?

Из истории русской литературы мы знаем, что не раз и не два реакционные литературные течения, к которым относились и символисты, и акмеисты, пытались объявить походы против великих революционно-демократических традиций русской литературы, против ее передовых представителей; пытались лишить литературу ее высокого, идейного и общественного значения, низвести ее в былого бездельности и пошлости. Все эти «модные» течения канули в Лету и были обречены в прошлые времена с теми классами, идеология которых они отражали. Все эти символы, акмеисты, «железные кобылы», «бульбовые валеты», «ничевки», — что от них осталось в нашей родной русской, советской литературе? Ровным счетом ничего. Хотя их походы против великих представителей русской революционно-демократической литературы — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Салтыкова-Щедрина — задумывались с большим шумом и претензией и с таким же эффектом проваливались.

Акмеисты провозгласили: «Не вносить никаких поправок в бытие и в критику последнего не вставать». Почему они были против внесения каких бы то ни было поправок в бытие? Да потому, что это старое дворянское, буржуазное бытие им нравилось, а революционный народ собирался потрясти это их бытие. В октябре 1917 года были выхвачены в мусорную яму истории как правящие классы, так и их идеологи и песнопевцы.

И вдруг на 29-м году социалистической революции появляются вновь на сцену некоторые музейные реликвии из мира Перев и начинают поучать нашу молодежь, как нужно жить. Перев Ахматовой широко раскрывают ворота ленинградского журнала и ей свободно предоставляется отражать сознание молодежи тлетворным духом своей поэзии.

В журнале «Ленинград», в одном из номеров, опубликовано нечто вроде сводки произведений Ахматовой, написанных в период с 1909 по 1944 год. Там наряду с прочим хламом есть одно стихотворение, написанное в эвакуации во время Великой Отечественной войны. В этом стихотворении она пишет о своем одиночестве, которое она вынуждена делить с черным котом. Смотрит на нее черный кот, как глаз столетия. Тема не нова. О черном коте Ахматова писала и в 1909 году. Построения одиночества и бездельности, чудные советской литературе, связывают весь исторический путь творчества Ахматовой.

Что общего между этой поэзией, интересами нашего народа и государства? Ровным счетом ничего. Творчества Ахматовой — дело детского проищия; оно чуждо современной советской действительности и не может быть терпимо на страницах наших журналов. Наша литература — не частное прерияние, расщипывание на то, чтобы потрогать различные куски литературного рынка. Мы вовсе не обязаны предоставлять в нашей литературе место для вкуса и нравов, не имеющих ничего общего с моралью и качествами советских людей. Что пошлячество может дать произведения Ахматовой нашей молодежи? Ничего, кроме вреда. Эти произведения могут только нанести ушину, упадок духа, несиимизм, стремление уйти от насущных вопросов общественной жизни, отойти от широкой дороги общественной жизни и деятельности в узкий мир личных переживаний. Как можно отдать в ее руки воспитание нашей молодежи? А между тем Ахматову с большой готовностью печатали то в «Звезде», то в «Ленинграде», да еще отдельными сборниками издавали. Это грубая политическая ошибка.

Не случайно ввиду всего этого, что в ленинградских журналах начали появляться произведения других писателей, которые стали сползать на позиции бездельности и упадочничества. Я имею в виду такие произведения, как произведения (Ахматова и Комиссарова). В некоторых своих стихах (Ахматова и Комиссарова) стали подпевать Ахматовой, стали культивировать настроения уныния, тоски и одиночества, которые так любезны душе Ахматовой.

Нечего и говорить, что подобные настроения или проповедь подобных настроений может оказывать только отрицательное влияние на нашу молодежь, может отвлечь ее сознание гнилым духом бездельности, апатичности, уныния.

А что было бы, если бы мы воспитывали молодежь в духе уныния и неверия в наше дело? А было бы то, что мы не победим в Великой Отечественной войне. Именно потому, что советское государство и наша партия с помощью советской литературы воспитали нашу молодежь в духе бодрости, уверенности в своих силах, именно потому мы преодолели величайшие трудности в строительстве социализма и добились победы над немцами и японцами.

Что из всего этого следует? Из этого следует, что журнал «Звезда», помещающий на своих страницах, наряду с произведениями хорошими, идеальными, бодрыми, произведения бездель-

ные, пошлые, реакционные, стал журналом без направления, стал журналом, помогающим врагам разлагать нашу молодежь. А наши журналы были всегда сильны своим бодрим, революционным направлением, а не эстетикой, не бездельностью и упадочничеством. Пропаганда бездельности получила равноправие в «Звезде». Мало того, выясняется, что Зощенко приобрел такую силу среди писательской организации Ленинграда, что даже прикрывал на несогласных, грозил критикам пролиться в одном из очередных произведений. Он стал чем-то вроде литературного диктатора. Его обкружала группа поклонников, создавая ему славу.

Спрашивается, на каком основании? Почему вы допустили это противостественное и реакционное дело?

Не случайно, что в литературных журналах Ленинграда стали уделять внимание современной нискоброй буржуазной литературой Зюлала. Некоторые наши литераторы стали рассматривать себя не как учителя, а как учеников буржуазно-мещанских литераторов, стали сблизяться на тон нискобройности и преклонения перед мещанской иностранной литературой. К лицу ли нам, советским патристам, такое нискобройство, нам, построившим советской страной, который в это раз вышло и лучше любого буржуазного строя? К лицу ли нашей передовой советской литературе, являющейся самой революционной литературой в мире, нискобройство перед ограниченной мещанско-буржуазной литературой Зюлала?

Крупным недостатком работы наших писателей является также упущение от современной советской тематикой, одностороннее упущение исторической тематикой, с одной стороны, а с другой стороны, попытка заняться чисто развлекательными нискобройными сюжетами. Некоторые писатели в оправдание своего отставания от больших современных советских тем говорят, что настала пора, когда народу надо дать пустоватую развлекательную литературу, когда с идейностью произведений можно не считаться. Это глубоко неверное представление о нашем народе, его запросах, интересах. Наш народ ждет, чтобы советские писатели осмыслили и обобщили громадный опыт, который народ приобрел в Великой Отечественной войне, чтобы они изобразили и обобщили тот героизм, с которым народ сейчас работает над восстановлением народного хозяйства страны после изгнания врагов.

Несколько слов насчет журнала «Ленинград». Тут у Зощенко поэзия еще более «прошная», чем в «Звезде», так же, как и у Ахматовой. Зощенко и Ахматова стали активной литературой силой в обоих журналах. Журнал «Ленинград», таким образом, несет ответственность за то, что он предоставил свои страницы таким пошлякам, как Зощенко, и таким салонным поэтессам, как Ахматова.

Но у журнала «Ленинград» есть и другие ошибки.

Вот, например, пародия на «Евгения Онегина», написанная неким Хазиним. Называется эта вещь «Озаршение (Онегина)». Говорят, что она нередко исполняется на подмостках ленинградской эстрады. Непопулярно, почему ленинградцы допускают, чтобы с публичной трибуны псевдомой Ленинград, как это делает Хазин? В сущности этой вещи так называемой литературной «пародии» заключается не в пустом зубоскальстве по поводу приключений, случившихся с Онегиным, оказавшимся в современном Ленинграде. Смысл пародии, сочиненной Хазиним, заключается в том, что он пытается сравнить наш современный Ленинград с Петербургом пушкинской эпохи и доказывать, что наш век хуже века Онегина. Приглядитесь хотя бы к некоторым строкам этой «пародии». Все в нашем современном Ленинграде автору не нравится. Он заочахлывается, возводит клевету на советских людей, на Ленинград. То ли дело век Онегина — золотой век, по мнению Хазина. Теперь не то, — является жлобство, карточка, пропуск. Девушки, те немощные эфирные создания, которыми раньше восхищались Онегин, стали теперь регуляторщиками уличного движения, ремонтниками ленинградские дома и т. д. и т. п. Позвольте процитировать одно только место из этой «пародии»:

В трамвай садится пуп Евгений.
О бедный, милый человек!
Не знала таких переживаний
Его непрощенный век.
Судьба Евгения хранила,
Ему лишь погуб отдала,
И только раз, толкнув в живот,
Ему сказала: «Иди!»
Он, вспоминая древние порядки,
Решил дуэлью кончить спор,
Уже в карма... но кто-то спер
Уже давно его чертатки,
За неменьше такихов
Смодчал Онегин и притих.

Вот какой был Ленинград и каким он стал теперь: плохим, некультурным, грубым и в каком неприглядном виде он предстал перед бедным, милым Онегиным. Вот каким представил Ленинград и ленинградцев пошляк Хазин.

Дурной, порочной, гнилой замысел у этой клеветнической пародии!

Как же могла редакция «Ленинграда» пропустить эту злощастную клевету на Ленинград и его прекрасных людей? Как можно пускать хазинских на страницы ленинградских журналов?!

Возьмите другое произведение — пародию на пародию о Некрасове, составленную таким образом, что она представляет из себя прямое оскорбление памяти великого поэта и общественного деятеля, каким был Некрасов, оскорбление, против которого должен был возмутиться всякий просвещенный человек. Однако редакция «Ленинграда» охотно поместила это грязное вырвено на своих страницах.

Что же мы еще находим в журнале «Ленинград»? Заграничный анекдот, плоский и пошлый, взятый, видимо, из старых затасканных сборников анекдотов конца прошлого столетия. Разве журнал «Ленинград» нечем заполнить свои страницы? Разве не о чем писать в журнале «Ленинград»? Возьмите хотя бы такую тему, как восстановление Ленинграда. В городе идет великая работа, город залечивает раны, нанесенные блокадой. Ленинградцы полны энтузиазма и пафоса последованного восстановления. Написано ли что-нибудь об этом в журнале «Ленинград»? Дождитесь ли когда-либо ленинградцы, чтобы их трудовые подвиги нашли отражение на страницах журнала?

Возьмите далее тему о советской женщине. Разве можно культивировать среди советских читателей и читателей притупию Ахматовой настоящие взгляды на роль и призвание женщины, не давая истинно правдивого представления о современной советской женщине вообще, о ленинградской девушке и женщине-героине, в частности, которые вылились на своих плечах огромные трудности военных лет, самоотверженно тратя ныне над разрешением трудных задач восстановления хозяйства?

Как видно, положение дел в Ленинградском отделении Союза писателей таково, что в настоящее время хороших произведений для двух литературно-художественных журналов явно не хватает. Вот почему Центральный Комитет партии решил закрыть журнал «Ленинград» с тем, чтобы сосредоточить все лучшие литературные силы в журнале «Звезда». Это, конечно, не значит, что Ленинград при надлежащих условиях не будет иметь второго или даже третьего журнала. Вопрос решается количеством хороших высококачественных произведений. Если их окажется достаточно много и им не будет хватать места в одном журнале, можно будет создать второй и третий журнал, лишь бы наши ленинградские писатели давали хорошую в идейном и художественном отношении продукцию.

Таковы грубые ошибки и недостатки, вскрытые и отмеченные в постановлении ЦК ВКП(б) относительно работы журналов «Звезда» и «Ленинград».

В чем корень этих ошибок и недостатков?

Корень этих ошибок и недостатков заключается в том, что редакторы названных журналов, деятели нашей советской литературы, а также руководители нашего идеологического фронта в Ленинграде забыли некоторые основные положения ленинизма о литературе. Многие из писателей и из тех, которые работают

Доклад т. Жданова о журналах „Звезда“ и „Ленинград“

Окончание. Начало см. на 2 стр.

в качестве ответственных редакторов или занимают важные посты в Союзе писателей думают, что политика — это дело правительства, дело ЦК. Что касается литературы, то не их дело заниматься политикой. Никогда человек хорошо, художественно, красиво — надо уступить в ход, несмотря на то, что там имеются гнилые места, которые дезориентируют нашу молодежь, отравляют ее. Мы требуем, чтобы наши товарищи как руководители литературы, так и пишущие руководствовались тем, без чего советской страной не может жить, т. е. политикой, чтобы нам воспитывать молодежь не в духе наплевательства и бездельности, а в духе бодрости и революционности.

Известно, что Ленинский волонтер в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развивалась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследия прошлого. В области литературы наша партия устала Ленина и Сталина неоднократно признавала огромное значение великих русских революционно-демократических писателей и критиков — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Плеханова. Начиная с Белинского, все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали непереработанного культурного наследия прошлого, а искусства не признавали как высшее искусство для народа, его высшей идеологии и общественного значения. Искусство не может отделиться от судьбы народа. Вспоминайте знаменитое «Письмо к Гоголю» Белинского, в котором великий критик со всей присущей ему страстностью бичевал Гоголя за его попытку изменить делу народа и перейти на сторону царя. Это письмо Ленин назвал одним из лучших произведений безупречной демократической печати, сохранившим громадное общественное значение и по сей пору.

Вспомните литературно-публицистические статьи Добролюбова, в которых с такой силой показано общественное значение литературы. Вся наша русская революционно-демократическая публицистика насыщена смертельной ненавистью к царскому строю и проникнута благородным стремлением бороться за коренные интересы народа, за его просвещение, за его культуру, за его освобождение от пут царского режима. Боевое искусство, ведущее борьбу за лучшие идеалы народа — так представляли себе литературу и искусство великие представители русской литературы, Чернышевский, который на всех утопических социалистов ближе всех подошел к научному социализму и от сочинений которого, как указывал Ленин, «свело духом классовую борьбу», — устал тому, что задачей искусства является, кроме познания жизни, еще и задача научить людей правильно оценивать те или иные общественные явления. Близкий друг и соратник Добролюбова указывал, что «не жизнь идет по литературным нормам, а литература применяется согласно направлениям жизни», и усиленно пропагандировал принципы реализма и народности в литературе, считая, что основой искусства является действительность, что она является источником творчества и что искусство имеет активную роль в общественной жизни, формирует общественное сознание. По Добролюбову литература должна служить обществу, должна давать народу ответы на самые острые вопросы современности, должна быть на уровне идей своей эпохи.

Марксистская литературная критика, являющаяся продолжателем великих традиций Белинского, Чернышевского, Добролюбова, всегда была поборницей реализмического, общественно направленного искусства. Плеханов много поработал для того, чтобы разоблачить идеалистическое, антинаучное представление о литературе и искусстве и записать основные положения наших великих русских революционеров-демократов, учивших видеть в литературе могучее средство служения народу.

В. И. Ленин первый оформил с предельной четкостью отношение переловой общественной мысли к литературе и искусству. Являясь нам известной статьей Ленина «Партийная организация и партийная литература», написанную в конце 1905 года, в которой он с присущей ему силой показал, что литература не может быть беспартийной, что она должна быть важной составной частью общего proletарского дела. В этой статье Ленина заложены все основы, на которых базируется развитие нашей советской литературы. Ленин писал:

«Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным правам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской поэзии, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «буржуазному анархизму» и погоней за наживной, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме».

«В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы или призрачного, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего proletарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела...»

И далее, в той же статье:

«Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, артиста есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».

Ленинским исходит из того, что наша литература не может быть аполитичной, не может представлять собой «искусство для искусства», а призвана осуществлять важную передовую роль в общественной жизни.

Отсюда исходят Ленинский принцип партийности литературы — важнейший вклад В. И. Ленина в науку о литературе. Следовательно, душой традиции советской литературы являются продолжение лучших традиций великих революционных писателей — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, продолжатели Плехановым и научно разработанными и обоснованными Лениным и Сталиным.

Керенский называл свою поэзию «музой мести и печали». Чернышевский и Добролюбов рассматривали литературу как святое служение народу. Лучшие представители русской демократической интеллигенции в условиях царского строя гибли за эти благородные высокие идеи, шли на каторгу. В раскату. Как же можно забыть эти славные традиции? Как можно пренебречь ими, как можно допустить, чтобы Ахматовой и Зощенки протаскивали реакционный лагуна «искусства для искусства», чтобы, прикрываясь маской бездельности, навязывали чуждые советскому народу идеи!..

Ленинским признает за нашей литературой огромное общественно-преобразующее значение. Если бы наша советская литература допустила снижение этой своей огромной воспитательной роли — это означало бы развитее вопиющего, вопиющего брака в литературной работе.

Некоторые кажется спрашивают, почему ЦК принял такие крутые меры по литературному вопросу? У нас не привыкли к этому. Считают, что если допустить брак в производстве или не выполняешь производственную программу по широту или по выпадению план затового дела, — то обвинять за это виновного естественное дело (оборотовый снос в зале), а вот если допустить брак в отношении воспитания человеческих душ, если допустить брак в деле воспитания молодежи, то здесь можно и потерпеть. Между тем, разве это не более горькая вина, чем невыполнение производственной программы или срыв производственного задания? Своим решением ЦК имеет в виду предотвратить идеологический фронт ко всем другим участкам нашей работы.

За последнее время на идеологическом фронте обнаружилось большое прорывы и недостатки. Достаточно напомнить вам об оставлении нашего киноискусства, о зачернении педерастических произведений нашего театрально-драматического репертуара, не говоря о том, что произошло в журналах «Звезда» и «Ленинград». ЦК вынужден был вмешаться и решительно поправить дело. Он не имел права смирять своего удара против тех, кто забывает свои обязанности по отношению к народу, по отношению к воспитанию молодежи. Если мы хотим победить влияние нашего актива в вопросах идеологической работы и навесть здесь порядок, так ясно направляем в работе, мы должны остро, как подобает советским людям, как подобает большевикам, раскритиковать ошибки и недостатки идеологической работы. Только тогда мы сумеем поправить дело.

Иные литераторы рассуждают так: поскольку за время войны народ вымощался по литературе, книг выпускали мало, по-

стоить читателю проглотить любой товар, хотя бы и с гнильцой. А между тем это совсем не так, и мы не можем терпеть всякую литературу, какая будет подготавливаться над неразборчивыми литераторами, редакторами, издателями. Советский народ ждет от советских писателей настоящего идейного вооружения, духовной пищи, которая помогла бы выработать планов великого строительства, выработать планы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства нашей страны. Советский народ предъявляет высокие требования к литераторам, хочет удовлетворения своих идейных и культурных запросов. Во время войны в силу обстановки мы не могли обеспечить этих насущных потребностей. Народ хочет омыслить происходящие события. Его идейный и культурный уровень вырос. Он зачастую не удовлетворяется качеством тех произведений литературы и искусства, которые у нас издаются. Это не только и не хотит понимать некоторые работники литературы, работники идеологического фронта.

Уровень требований и вкуса нашего народа поднялся очень высоко, и тот, кто не хочет или неспособен подняться до этого уровня, будет оставлен позади. Литература призвана не только к тому, чтобы идти на уровне требований народа, но более того, — она обязана развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед. Тот, кто не способен идти в ногу с народом, удовлетворить его возросшие требования, быть на уровне задач развития советской культуры, неизбежно выйдет в тираж.

Из недостатка идейности у руководителей работников «Звезды» и «Ленинграда» вытекает и вторая крупная ошибка. Она заключается в том, что некоторые наши руководящие работники поставили во главу угла своих отношений с литераторами не интересы политического воспитания советских людей и политического направления литераторов, а интересы личные, приятельские. Говорят, что многие вредные и слабые в художественном отношении произведения попадают в печать в силу нежелания обидеть того или иного писателя. С точки зрения подобных работников лучше поступать в интересах народа, интересами государства ради того, чтобы кто-либо не обидеть. Это совершенно неправильная и политически ошибочная установка. Это — все равно, что променять миллион на грош.

Центральный Комитет партии в своем решении указывает на величайший вред подрыва принципиальных отношений в литературе отношениями приятельскими. Беспринципные приятельские отношения в среде некоторых наших литераторов сыграли глубокую отрицательную роль, повели к снижению идейного уровня многих литературных произведений, обесценили доступ в литературу чуждым советской литературе людям. Отсутствие критики со стороны руководителей идеологического фронта в Ленинграде, со стороны руководителей ленинградских журналов, подрыва принципиальных отношений приятельскими отношениями за счет интересов народа привнесла величайший вред.

Товарищ Сталин учит нас, что, если мы хотим сохранить кадры, учить и воспитывать их, мы не должны бояться обидеть кого-либо, не должны бояться принципиальной, смелой, откровенной и объективной критики. Без критики любая организация, в том числе и литературная, может загнивать. Без критики любую болезнь можно загнать вглубь и с ней труднее будет справиться. Только смелая и открытая критика помогает совершенствоваться нашим людям, побуждает их идти вперед, преодолевать недостатки своей работы. Там, где нет критики, там укрепляется затхлость и застои, там нет места движению вперед.

Товарищ Сталин неоднократно указывает на то, что важнейшим условием нашего развития является необходимость того, чтобы каждый советский человек подвигал итог своей работы за каждый день, безоговорочно проверял бы себя, анализировал свою работу, мужественно критикуя свои недостатки и ошибки, обдумывал бы, как добиться лучших результатов своей работы, и непрерывно работал бы над своим совершенствованием. К литераторам это относится в такой же мере, как и к любым другим работникам. Тот, кто боится критики своей работы, тот презренный трус, не достойный уважения со стороны народа. (Бурные аплодисменты).

Некритическое отношение к своей работе, подрыва принципиальных отношений к литераторам приятельскими широко распространены и в Правлении Союза советских писателей. Правление Союза и в частности его председатель т. Тихонов повинны в том, что в Ленинграде, в частности в журналах «Звезда» и «Ленинград», повинны в том, что они не только не поставили преграды проникновению в советскую литературу вредных влияний Зощенки, Ахматовой и других не советских писателей, но и попустительствовали проникновению в наши журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов.

В недостатках ленинградских журналов сыграла свою роль и та система безответственности, которая сложилась в руководстве журналами при том положении в редакциях ленинградских журналов, когда неизвестно кто отвечает за журнал в целом и за его отзывы, когда не могла быть элементарного порядка. Лют недостаток необходимо исправить. Вот почему Центральный Комитет своим постановлением назначил главного редактора журнала «Звезда», который должен отвечать за направление журнала, за высокие идейные и художественные качества произведений, помещаемых в журнале.

Мы должны восстановить славные традиции ленинградской литературы и ленинградского идеологического фронта. Горько и обидно, что журналы Ленинграда, которые всегда были раскатуниками передовых идей, передовой культуры, стали приобретать бездельность и шпильность. Надо восстановить честь Ленинграда, как передового идеологического и культурного центра. Надо помнить, что Ленинград был колыбелью большевистских ленинских организаций. Здесь Ленин и Сталин заложили основы большевистской партии, основы большевистского мировоззрения, большевистской культуры.

Дело чести ленинградских писателей, ленинградского партийного актива состоит в том, чтобы восстановить и развить далее эти славные традиции Ленинграда. Задача работников идеологического фронта в Ленинграде и в первую голову писателей заключается в том, чтобы выявить из ленинградской литературы бездельность и шпильность, чтобы высоко поднять знамя передовой советской литературы, чтобы не уступить ни одной возможности для своего идейного и художественного роста. Не отступать от современной тематики, не отступать от требований народа, вдумчиво развивать смелую критику своих недостатков, критику не подлаившую, не групповую и приятельскую, а настоящую, смелую и независимую, идейную большевистскую критику.

Товарищи, теперь для вас должно быть ясно, какой грубый промах был допущен Ленинградским горкомкомитетом партии, в особенности его отделом пропаганды и агитации и секретарем по пропаганде тов. Широковым, который был поставлен во главе идеологической работы и на которую в первую очередь ложится ответственность за провал журналов. Ленинградский комитет партии допустил грубую политическую ошибку, приняв в конце июня месячное решение о новом составе редакции журнала «Звезда», в который был введен и Зощенко. Только политическая смелость можно обидеть, что секретарь горкома партии т. Капустин и секретарь горкома по пропаганде т. Широков приняли такое ошибочное решение. Повторяю, что все эти ошибки можно было избежать и решительно исправить с тем, чтобы восстановить роль Ленинграда в идейной жизни нашей партии.

Все мы любим Ленинград, все мы любим нашу ленинградскую партийную организацию как один из передовых отрядов нашей партии. В Ленинграде не должно быть приближения к разным направлениям литературных произведений, которые хотят испортить Ленинград в своих целях. Для Зощенки, Ахматовой и им подобных Ленинград советский не торг. Они хотят видеть в нем идеологические выносы общественно-политических порядков и иной идеологии. Старый Петербург, Медный вояка, как образ этой старой Петербурга, — вот что маячит перед их глазами. А мы любим Ленинград советский, Ленинград, как передовой центр советской культуры, славящий своего великого революционного и демократического деятеля, вышедшего из Ленинграда, — это наши дорогие предки, от которых мы ведем свою революцию. Славные традиции современного Ленинграда есть продолжение развития этих великих революционных демократических традиций, которые мы ни на что другое не сменяем. Пусть ленинградский актив смеет, без оглядки назад, без застревания прошлым, проанализирует свои ошибки, чтобы как можно лучше и быстрее выправить дело и вернуть нашу великую славу вперед. Ленинградские большевики должны вновь занять свое место в рядах затренированных и передовых в деле формирования советской идеологии, советского общественного сознания. (Бурные аплодисменты).

Как могло случиться, что Ленинградский горком партии допустил такое положение на идеологическом фронте? Конечно, он увеличил текущую практическую работу по восстановлению города, но почему его промышленности и забыл о значении идейно-воспитательной работы, и это забвение дорого обошлось ленинградской организации. Нельзя забывать идейную работу! Духовные богатства наших людей не менее важны, чем материальные. Нельзя жить только, не заботясь о завтрашнем дне не только в области материального производства, но и в области идеологической. Наши советские люди выросли настолько, что не будут «слотать» всякую духовную продукцию, какую бы им ни подсушили. Работники культуры и искусства, которые не перестают и не смогут удовлетворить возросших потребностей народа, могут быстро потерять доверие народа.

Товарищи, наша советская литература живет и должна жить интересами народа, интересами родины. Литература — это родить для народа дело. Вот почему каждый наш успех, каждое значительное производственное достижение, каждое событие, которое выдвигает на сцену человека, или крупную победу на хозяйственном фронте. Наоборот, каждая неудача в советской литературе глубоко обидна и горька народу, партии, государству. Именно это имеет в виду постановление ЦК, который заботится об интересах народа, об интересах его литературы и крайне обеспокоен положением дела у ленинградских писателей.

Если бездельные люди хотят лишить ленинградский отряд работников советской литературы его основы, хотят подрывать идейную сторону их работы, лишить творчество ленинградских писателей его общественное преобразующее значение, то Центральный Комитет партии, что ленинградские литераторы найдут в себе силы положить предел всем попыткам увести литературный отряд Ленинграда, его журналы в русло бездельности, беспринципности, аполитичности. Вы поставлены на передовую линию фронта идеологии, у вас огромные задачи, имеющие международное значение, и это должно поднять чувство ответственности каждого подлинного советского литератора перед своим народом, государством, партией, сознание важности исполнения своего долга.

Буржуазному миру не нравятся наши успехи как внутри нашей страны, так и на международной арене. В итоге второй мировой войны укрепилась позиция социализма. Вопрос о социализме поставлен в порядке дня во многих странах Европы. Это не нравится империалистам всех частей, они боятся социализма, боятся нашей социалистической страны, которая является образцом для всего передового человечества. Империалисты, их идейные прислужники, их литераторы и журналисты, их политики и дипломаты всячески стараются обесценить нашу страну, представить ее в неправильном свете, оклеветать социализм. В этих условиях задача советской литературы заключается в том, чтобы отечественному ударом на удары против всей этой гнусной клеветы и нападок на нашу советскую культуру, на социализм, но и смело бичевать и разлагать на буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и распада.

В какую бы внешне красивую форму ни было облечено творчество наших современных буржуазных западноевропейских и американских литераторов, а также кинорежиссеров и театральных режиссеров, все равно им не спастись и не вырваться своей буржуазной культуры, ибо моральная основа у нее гнилая и тлетворная, ибо эта культура поставлена на службу частнокапиталистической собственности, на службу эгоистическим, корыстным интересам буржуазной верхушки общества. Весь этот буржуазный аппарат, кинорежиссеров, театральных режиссеров старается отвлечь внимание передовых слоев общества от острых вопросов политической и социальной борьбы и отвести внимание в русло пошлой бездельной литературы и искусства, наполненных гатерями, дивными из варьете, восхваляющим адюльтера и похощений всяких авантюристов и проходимцев.

Близки ли нам, представителям передовой советской культуры, советским патриотам, роль преклонения перед буржуазной культурой или роль учеников? Конечно, наша литература, отражающая строй более высокой, чем любой буржуазно-демократической страны, культуру во много раз более высокую, чем буржуазная культура, имеет право на то, чтобы учить других новой общественно-культурной идее. Где вы найдете такую народ и такую страну, как у нас? Где вы найдете такие великолепные качества, какие какие нравятся нам советский народ в Великой Отечественной войне и какие он каждый день проявляет в трудовых делах, переходя к мирному развитию и восстановлению хозяйства и культуры! Каждый день поднимает наш народ все выше и выше. Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что

были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы выжили и выросли вместе с тем величайшим преобразовательным, которые в корне изменили облик нашей страны.

Покалать эти новые высокие качества советских людей, показать наш народ не только в его сегодняшней деятельности, но и в его завтрашней деятельности, помочь осветить проектором путь вперед — такова задача каждого добросовестного советского писателя. Писатель не может престать в уме событий, он обязан видеть, писатель должен воспитывать народ и вооружать его идеями. Отбирая лучшие чувства и качества советского человека, раскрывая перед ним завтрашний его день, мы должны показать, что же время нашим людям, какими они не должны быть, должны бичевать пережитки вчерашнего дня, пережитки, мешающие советским людям идти вперед. Советские писатели должны помочь народу, государству, партии воспитать нашу молодежь бойкой, верящей в свои силы, не боящейся никаких трудностей.

Как бы буржуазные политики и литераторы ни старались скрыть от своих народов правду о достижениях советского строя и советской культуры, как бы они ни пытались возбудить жеманный запавое, за пределы которого не могла бы проникнуть за границу правда о Советском Союзе, как бы они ни пытались уменьшить действительный рост и размах советской культуры — все эти попытки обречены на провал. Мы очень хорошо знаем силу и преимущество нашей культуры. Достаточно вспомнить потрясающие успехи наших культурных делегаций за границей, наш факультетный парад и т. д. Нам ли позволять оклеветать перед всей иностранной или занимать пасмурную оборонительную позицию!

Если феодальный строй, а затем буржуазия в период своего расцвета могли создать искусство и литературу, утвердившиеся становление нового строя и всепобеждающие его расцвет, то нам, строю новому, социалистическому, представляющему из себя воплощение всего, что есть лучшего в истории человеческого цивилизации и культуры, тем более по плечу создание самой передовой в мире литературы, которая оставит далеко позади самые лучшие образцы творчества старых времен.

Товарищи, чего требует и хочет Центральный Комитет? Центральный Комитет партии хочет, чтобы ленинградские литераторы и ленинградские писатели хорошо поняли, что наступило время, когда необходимо поднять на высокий уровень нашу идейную работу. Молодому советскому поколению предстоит укрепить силу и могущество социалистического советского строя, полностью использовать движущие силы советского общества для полного восстановления нашего благосостояния и культуры. Для этих великих задач молодое поколение должно быть воспитано стойкими, бойкими, не боящимися препятствий, идущим навстречу этим препятствиям и умеющим их преодолевать. Наши люди должны быть образованными, высокодейственными людьми, с высокими культурными, моральными требованиями и вкусами. Для этой цели нам нужно, чтобы литература наша, журналы наши не стояли в стороне от задач современности, а помогали бы партии и народу воспитывать молодежь в духе бездельности предности советскому строю, в духе беззаветного служения интересам народа.

Советские писатели и все наши идеологические работники поставлены сейчас на передовую линию огня, ибо в условиях мирного развития не снимаются, а, наоборот, выступают задачи идеологического фронта и в первую голову литературы. Народ, государство, партия хотят не удаления литературы от современности, а активного вхождения литературы во все стороны советского бытия. Большевики высоко ценят литературу, отчетливо видят ее великую историческую миссию и роль в укреплении морального и политического единства народа, в сплочении и воспитании народа. Центральный Комитет партии хочет, чтобы у нас было издание духовной культуры, ибо в этом богатстве культуры мы видим одну из главных задач социализма.

Центральный Комитет партии уверен, что ленинградский отряд советской литературы, морально и политически зрелый, быстро выправит свои ошибки и займет подобающее место в рядах советской литературы.

ЦК уверен, что недостатки в работе ленинградских писателей будут преодолены и что идейная работа ленинградской партийной организации в самый кратчайший срок будет поднята на такую высоту, какая нужна сейчас в интересах партии, народа, государства. (Бурные аплодисменты. Все встанут).

НА СОБРАНИИ КОМСОМОЛЬСКОГО АКТИВА МОСКВЫ

На днях состоялось совещание актива Московского комсомольского организации и представителей литературы и искусства. В связи с постановлениями ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров и о фильме «Большая жизнь» актив обсудил вопросы, связанные с улучшением идеологической работы среди молодежи столицы.

Выступивший с докладом секретарь МК и МКФ ВЛКСМ тов. Красавченко, охарактеризовал огромное значение постановления ЦК ВКП(б), раскритиковал вредные и пошлые произведения Зощенки и Ахматовой и указал на ряд писателей, допустивших идеологические ошибки в своем творчестве. Докладчик называет в этой связи такие произведения, как «Товарищи Анна А. Кольцова», «При взятых Берлина» В. Ивановича, «Новогодняя ночь» А. Гладкова, «Библион К. Чуковского» и др.

Особую тревогу вызывает то, что многие молодые поэты, которые мало работают над собой, легко поддаются чуждым влияниям. Они занимают переловыми надуманными переживаниями в духе задонной лирики Ахматовой. Эти явления заметны в творчестве В. Тушиновой, В. Уриной, Н. Николаевой. Необходимо обратить внимание на характер литературной деятельности многих воспитанников Литературного института Союза советских писателей. В творчестве и в устных высказываниях отдельных студентов (например, в стихах Уриной, Израилева) проявляются падкие нездоровые настроения, ошибочные взгляды. Очень развито некритическое восприятие поэзии Б. Пастернака, И. Сельвинского, преклонение перед ними.

Серьезные недостатки отмечает тов. Красавченко в работе молодежных журналов и газет. В журналах «Смена» и «Советское студенчество» часто публикуются бездельные, аполитические произведения. Не удовлетворяет высоким идейно-политическим требованиям деятельность издательства «Молодая гвардия», начата с целью подготовки кадров к выпуску в свет ряд ошибочных произведений, дезориентирующих молодое советское читателя («Арктический мост» А. Казацева, «Герои чудеса Ю. Долгушина» и др.). Газетой суровой критики заслуживает газета «Московский комсомолец». Здесь нет системы и осознания вопросов литературы и искусства. Газета нередко преподносит своему читателю неправильные оценки художественных произведений.

Тов. Красавченко признает, что МК и МКФ ВЛКСМ не уделяли должного внимания идеологической работе с молодежью столицы, очень мало занимались вопросами

идеологической работы с молодежью, и эту ошибку повторяли наши райкомы ВЛКСМ.

Правда, МК и МКФ ВЛКСМ внесли предложения об организации встреч молодежи с писателями, но в президиуме ЦСП дело ограничилось широким ознакомлением А. Караваловой, М. Алигер, П. Павленко, П. Тихонова.

Ни к чему до сих пор не привели и многократные переговоры с поэтами о создании песни комсомольского комсомола.

Тов. Красавченко подчеркнул, что должен быть положен конец «вредной линии нейтралитета по отношению к литературе и искусству», которой придерживались до сих пор руководители комсомольских организаций. МК и МКФ ВЛКСМ принимают решительные меры к улучшению пропаганды марксистско-ленинской теории среди молодежи, к подьему всей идеологической работы в Московской организации ВЛКСМ.

По докладу тов. Красавченко развернулись оживленные прения. Секретарь Красноперекопского РК ВЛКСМ т. Марапов говорил о недостаточном внимании комсомольских организаций к идеологической работе среди молодежи. Секретарь комсомольской организации Гитис т. Назаров указывал на то, как трудно воспитывать хороших молодых актеров при отсутствии хороших современных пьес, в которых фигурировали бы молодые герои. Секретарь комсомольской организации Литературного института т. Крюков рассказал о нездоровых настроениях, свойственных творчеству некоторых студентов института. Первые творческие успехи побуждают некоторых поэтов — таких, как С. Гудзенко, А. Межиров, слишком рано профессионализироваться и без всякого основания бросать учебу.

С большой речью выступил заместитель генерального секретаря Союза советских писателей К. Симонов. Он рассказал о той открытой ожесточенной идеологической борьбе, которую ему пришлось наблюдать во время длительного пребывания за границей, — борьбе консерваторов и реакционеров с прогрессивными демократическими силами.

—Мы должны,— говорит К. Симонов,— перед всем миром сказать в наших художественных, критических, публицистических произведениях о всеобщности идеалов советских людей, пропагандировать преимущества социалистического строя перед капиталистическим, величие нашего будущего, величие нашей борьбы за это будущее.

К. Симонов сообщил комсомольскому активу о мероприятиях, намеченных президиумом ЦСП для того, чтобы сделать работу писателей более эффективной, более действенной, решительно связать ее с за-

В плену ремесленничества

«За Камой-рекою» В. Тихонова в Московском драматическом театре

Василий Митрофанович

Василий Митрофанович: «...Я учителем — пятый десяток. Кладите на круг по 40 учеников в год. Итого две тысячи. Да у Елены Степановны около того. Выходит — четыре тысячи. Соберу вместе — пятнадцать тысяч. Извините, соряка — востроги эту дивизию. Вот умру... Кто в памяти дома оставляет картины, книги, а наша память — живые человеки. Это не самоубийство. Это очень прекрасно, когда из твоих рук настоящие люди выходят. Я так считаю: жаль моя — хорошая, счастливая жизнь. Дебет-кредит — в порядке».

Елена Степановна: «Расхвалился! Сосем без ума!»

Разговор происходит зимой, ночью, в празднично убранном школьном классе, в далеком лесном районе. Педагоги собрались встретить новый 1945 год за скромно накрытым столом. Растроганно слезами смеются (сменив в этот прихвальный директор школы — о ценности труда сельского учителя, Василий Митрофанович Воробьев произносит приведенную нами небольшую тираду, чем и вызывает ироническую реплику своей жены — Елены Степановны, преподавателя той же школы).

Общий характер пьесы В. Тихонова «За Камой-рекою», поставленной Московским драматическим театром, ясно вырисовывается в этом диалоге.

А. Крюков в роли Корина
и А. Бабаев в роли Семена.

Фото В. Котлар.

Воробьев говорит о своей гордости педагога — воспитателя многих поколений. Но как говорит он! В каком резком несоответствии находится предлагаемый смысл и действительное содержание сцены.

Старый учитель любит и уважает свою профессию. Но почему же в его словах так мало чувства собственного достоинства? Почему себя и свою жену он называет «соряками»? Почему его речь так засорена словечками и оборотами? Почему, наконец, так груба его жена?

Дело, разумеется, не в отдельных неудачных выражениях, а в коренном несопадении авторских намерений и реальных результатов в пьесе. Не только в приведенных нами словах Воробьева, но и в словах других действующих лиц неоднократно высказываются глубокое убеждение в ценности и благородстве труда учителей, работающих в отдаленном от центра районе. Роль директора школы Корина (арт. А. Крюков) наполненна состоит из рассуждений на эту тему, хотя он так засорен словечками, словечками и оборотами? Почему, наконец, так груба его жена?

Дело, разумеется, не в отдельных неудачных выражениях, а в коренном несопадении авторских намерений и реальных результатов в пьесе. Не только в приведенных нами словах Воробьева, но и в словах других действующих лиц неоднократно высказываются глубокое убеждение в ценности и благородстве труда учителей, работающих в отдаленном от центра районе. Роль директора школы Корина (арт. А. Крюков) наполненна состоит из рассуждений на эту тему, хотя он так засорен словечками, словечками и оборотами? Почему, наконец, так груба его жена?

Впрочем, «эпопея» отведена автором Екатерине Калитиной (арт. З. Кузнецова). Это она открывает пьесу чтением сказки о волшебном, посланном искать счастье в будущее. Она же говорит, что у нее в душе «все всенное» и что она «одна». Из-за одной ниточки, из-за одного «одна»... Таким образом в пьесе с примерной аккуратностью соединены «конфликты»: служебный, принципиальный и любовный. И в этой рассудительной аккуратности с наибольшей откровенностью выступает ремесленнический штамп, питающий и пьесу и персонажей.

«Ремесленническое» ремесло сковывает автора, мешает ему реализовать хорошие намерения, придает почтенным педагогам черты водеvilных персонажей, заставляет действующих лиц пировать и в начале и в конце пьесы, изобавляет их от всех неприятностей, излечивая от туберкулеза Ненастоящего, выпрямляя раненую ногу Корина, счастливо сводя обе влюбленные пары. В этом «заключительном» или «заключительном» решении «конфликтов» нет, разумеется, и стоического счастья, достигаемого по заслугам, завоеванного в упорной борьбе.

Московский драматический театр (постановка С. Разумов) кое-где смягчил недостатки пьесы, кое-где оставил их нетронутыми. Но общего последовательного решения спектакля нет, нет отчетливо раскрытого постановочного замысла. И поэтому, достигая порой таких размеров, что начинает казаться: место ей не в педагогической кафедре, а на ученической парте.

О Воробьевых уже шла речь. Они удивительно непохожи на свою «вещную» биографию. Их поведение не согласуется с очевидной склонностью Василия Митрофановича к гаярству и столь же несомненной неостепенности его жены. Этим почтенной супружеской паре автором дано отнюдь не почтенное задание — смешить публику постоянным подтруниванием друг над другом. Заметим здесь же, что если арт. Г. Дмитриевская несколько смягчает грубость Воробьевой, то ее партнер Н. Чистяков безудержно «обитывает» все предложенные ему автором комические жесты и слова.

Гораздо больше такта в игре М. Казакова, исполняющей роль Матильды Ивановны. Расселина и чудачковатая старушка не только забавна, но и трогательно своей преданностью науке и любовью к ученикам.

Фатима Сайях, профессор Тегеранского университета

III С'езд советских писателей Грузии

В Тбилиси (7—10 сентября) состоялся III С'езд советских писателей Грузии. С отчетным докладом о работе правления ЦСП Грузии выступил председатель правления С. Чикобава. В прениях приняли участие П. Алхазидзе, П. Лория (Адзхарская АССР), Г. Гисаели (Кутаиси), Е. Бекоев (Юго-Осетинская АО), Ю. Блужа (Абхазская АССР), аккад. Н. Кецоховели, народный артист СССР А. Васаладзе, А. Машаваши и др.

Воздав должное успехам грузинской литературы за годы войны, докладчик и участники прений отметили серьезные недостатки в работе некоторых писателей, а также в деятельности руководства ЦСП Грузии.

Справедливой критике с'езд подверг произведения одного из видных поэтов Грузии А. Машаваши, который в последние время выступил в печати со стихами, пропитанными тоской, разочарованием. Аполитичность, упаднические настроения сказываются и в творчестве поэта К. Надирадзе. Г. Абашидзе, один из представителей младшего поколения поэтов, написал недавно несколько безideальных, пессимистических стихотворений. Религиозно-мистические мотивы свойственны последним стихам Г. Шатавашиани.

Большая часть грузинских прозаиков увлеклась историческими темами, те же, кто пытался показать советскую действительность, создали художественно слабые произведения; таковы, например, романы «За жизнь» И. Ливашвили и «Буря» А. Белиашвили. Не удовлетворяет возросшим требованиям и грузинская драматургия. За последнее время в ведущих театрах Грузии поставлены слабые, идеино ошибочные пьесы «Достойная награда» Г. Келбакиани и «Под ивою» Г. Березиншвили.

С'езд снова критиковал работу литературных органов Союза писателей Грузии, в частности, журнала «Мнаობи», в нем в значительной степени преобладают идеино-художественно слабые произведения.

На с'езде отмечалось, что прозаики, поэты и драматурги мало работают над повышением своего культурного уровня, неудовлетворительно поставлена идеино-воспитательная работа среди писателей. Было также указано на то, что критика не справляется со своими задачами, мало уделяет внимания детской литературе.

С докладом «Пути развития грузинской советской литературы» выступил председатель ЦК ВКП(б) Грузии по пропаганде П. Шария. Он дал глубокий анализ развития грузинской литературы за годы советской власти, отметил значительные успехи литературы, ее заслуги перед народом в годы Великой Отечественной войны. Используя большой фактический материал, П. Шария вскрыл серьезные недостатки в творчестве некоторых прозаиков, поэтов, драматургов, критиков, в работе Союза советских писателей Грузии, его руководящих органов — президиума, а также печатных органов — журналов «Мнаობи» и «Исти» и литературы для детей «Мнаობи». П. Шария говорил о необходимости усилить идеино-политическое воспитание писателей, оказывать более активную помощь талантливым молодежи. Тов. Шария наметил ближайшие задачи грузинской литературы, вытекающие из исторических постановлений ЦК ВКП(б) о журнале «Звезда» и «Ленинград» и о репертуаре драматических театров и мерх к его улучшению.

В прениях по докладу П. Шария выступили Б. Жгенти, К. Гамакура, Г. Джабладзе, народный артист СССР А. Хорава, В. Дарасели, А. Белиашвили и Д. Томашвили.

С'езд принял развернутое решение, в котором единодушно заверяет ЦК ВКП(б) и товарища Сталина в том, что грузинские советские писатели прилагают все усилия к тому, чтобы изжить имеющиеся недостатки и поднять литературу Советской Грузии на уровень высоких требований, выдвинутых большевистской партией и советским народом.

На с'езде с приветствиями грузинским писателям выступили С. Михайлов, В. Лифшиц, Э. Огневет, Я. Грантс, Г. Борня.

С'езд избрал правление Союза советских писателей Грузии (37 человек) и ревизионную комиссию в составе 7 человек.

II С'ЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

25 сентября в Ереване открылся второй с'езд писателей Армении. В работах с'езда примут участие писатели братских республик Советского Союза, а также армянские писатели из зарубежных стран.

С'езд откроется вступительным словом Авегика Исаакяна. Доклад на тему «Литература Советской Армении и ее задачи» сделает Р. Григорян.

С докладом выступит Д. Демирчян — об армянской литературе в годы Отечественной войны, М. Мкрян — об армянской прозе, Р. Вартанян — о поэзии, С. Арутюнян — о драматургии, Ст. Золян — о детской литературе, Т. Ахунян — о литературном языке.

Состоянию критики посвящен доклад О. Мамиконяна. Обзорный доклад о зарубежной армянской литературе сделает Э. Топчян.

В дни с'езда будут организованы литературные вечера, встречи писателей с читателями, выставки армянских книг.

Иллюстрации П. Павлинова к книге А. Толстого «Петр I» (главы из романа), выходящей в Военизгизе.

В Союзе советских писателей СССР

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

Темой очередного заседания комиссии ЦСП был разбор трех первых книг журнала «Сибирские огни».

Участники обсуждения А. Бруштейн, А. Караваева, Ф. Левин, М. Никитин, Л. Субойкина, Г. Колесникова и др. приняли восторженную критику журнала «Сибирские огни» в «Литературной газете» и отметили

Иллюстрации П. Павлинова к книге А. Толстого «Петр I» (главы из романа), выходящей в Военизгизе.

В Союзе советских писателей СССР

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

Темой очередного заседания комиссии ЦСП был разбор трех первых книг журнала «Сибирские огни».

Участники обсуждения А. Бруштейн, А. Караваева, Ф. Левин, М. Никитин, Л. Субойкина, Г. Колесникова и др. приняли восторженную критику журнала «Сибирские огни» в «Литературной газете» и отметили

Литературная жизнь Челябинска

ЧЕЛЯБИНСК. (От наш. корр.). На общегородском собрании писателей и литературного актива, посвященном обсуждению постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Звезда» и «Ленинград», в Челябинске была проведена работа Челябинского отделения ЦСП и его ответственного секретаря Л. Татяниной.

Мне кажется, что в нашей организации творчество Татяниной может служить примером безideальности и аполитичности, — сказал в своем выступлении поэт Т. Тюрчев. — Недавно «Правда» справедливо и резко критиковала ее стихотворение «Светарь», как пустое, альбомное произведение. Татяничева не только не поняла своей ошибки и не сделала для себя соответствующих выводов, но поручила услужливому композитору А. Гольдбергу написать стихи на музыку после чего «Светарь» стали исполнять на концертах (на Кировском заводе, на городском молодежном вечере и т. д.). Композитор Гак включил «Светарь» в свой сборник песен, принявший к изданию директором Челябинска, т. е. то же Татяничева. Окружив себя людьми, с которыми она находилась в приятельских отношениях, Татяничева, как ответственный секретарь отделения, ничего не делала для роста и выдвижения новых авторов.

Выступившие в прениях А. Гольдберг и М. Львов говорили о плохой работе областного отделения ЦСП в Челябинске.

За три года Челябинск не издал ни одного альманаха местных авторов, зато обильно перепечатывает (хотя в этом не всегда есть прямая необходимость) уже изданные книги московских авторов.

Челябинские писатели обаялись приложить все силы к тому, чтобы коренным образом перестроить работу областного отделения ЦСП и добиться улучшения качества книг, издаваемых Челябинском.

Выступившие в прениях А. Гольдберг и М. Львов говорили о плохой работе областного отделения ЦСП в Челябинске.

За три года Челябинск не издал ни одного альманаха местных авторов, зато обильно перепечатывает (хотя в этом не всегда есть прямая необходимость) уже изданные книги московских авторов.

Челябинские писатели обаялись приложить все силы к тому, чтобы коренным образом перестроить работу областного отделения ЦСП и добиться улучшения качества книг, издаваемых Челябинском.

Выступившие в прениях А. Гольдберг и М. Львов говорили о плохой работе областного отделения ЦСП в Челябинске.

За три года Челябинск не издал ни одного альманаха местных авторов, зато обильно перепечатывает (хотя в этом не всегда есть прямая необходимость) уже изданные книги московских авторов.

Челябинские писатели обаялись приложить все силы к тому, чтобы коренным образом перестроить работу областного отделения ЦСП и добиться улучшения качества книг, издаваемых Челябинском.

Создадим книги о лучших людях Севера

АРХАНГЕЛЬСК. (От наш. корр.). На состоявшемся недавно собрании писателей Архангельска обсуждали постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Звезда» и «Ленинград». После доклада полномочного Союза писателей К. Коничева развернулись оживленные прения.

Выступавшие В. Жижкин, П. Пумух, С. Писахов, Э. Коварин, Г. Суфтин, А. Морозов, Э. Бородин, Морозова говорили о недостатках в работе Архангельского областного отделения ЦСП, об отсутствии творческих собраний и деловой критики, а также о том, что Ленинградские писатели Ю. Герман и А. Чирков, возглавлявшие в прошлом литературную организацию Архангельска, не привлекли к участию в альманахе «Северных авторов» и заполняли сборник своими произведениями. Так, Ю. Герман в одной из книг альманаха «Север» поместил под разными подлинными именами шесть своих наспех написанных рассказов.

В своем решении писатели Архангельска отметили необходимость создания произведений о лучших людях сталинской эпохи и обязались оказывать творческую помощь начинающим авторам. Материалы, намеченные для опубликования в альманахе, будут предварительно обсуждаться на творческих собраниях с участием литературного актива и читателей.

В областной газете «Правда Севера» решено регулярно выпускать литературные странички.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). Хабаровское отделение ЦСП и редакционная коллегия журнала «Дальний Восток» провели совещание читателей. Доклад редактора А. Гая о работе журнала, его задачах и перспективах вызвал оживленный обмен мнениями.

Читатели предъявили серьезные претензии к содержанию и оформлению журнала. Выступавшие отмечали, что основное место в журнале должны занимать произведения, показывающие настоящее Дальнего Во-

стока, жизнь людей, своим трудом создающих сталинскую новостройку — форпост нашей родины на Тихом океане. Многие читатели считают, что журнал должен показывать советскому читателю и жизнь сопредельных стран, а также расширить публицистический раздел, от которого они ждут широкого освещения тихоокеанских проблем. Много критических замечаний было сделано по поводу произведений, уже опубликованных в первом-втором номерах «Дальнего Востока».

Оставание художественной прозы от поэзии наглядно подтверждается составом с'езда: из общего числа делегатов две трети падают на поэтов и только одна треть на прозаиков. Можно назвать блестящих мастеров поэзии, но с ними нельзя сопоставить ни одного прозаика. Не говоря уже о больших формах — о романе, даже и в малых — рассказах и новеллах — у лучших наших писателей замечается целый ряд существенных недостатков как в содержании, так и в форме: слабость психологического анализа, неумение по-настоящему осмысливать изображаемую действительность, беспорядочность композиции и т. д.

Сказывается отсутствие национальной традиции, обусловленное отсутствием соответствующей социальной почвы. Эти факты достаточно обясняют отставание нашей прозы и те исключительные трудности, которые приходится преодолевать нашим писателям.

В своем докладе о роли критики я отметил почти полное отсутствие этого жанра в нашей прошлой и современной литературе. Охарактеризовав основные виды критики и ее ведущую роль, особенно в новой литературе, я подробно остановился на деятельности Беллинского и Чернишевского и на огромном значении их творчества для всего развития русской литературы. В заключительной части доклада, посвященной ближайшим задачам иранской критики,

я советовала нашим критикам следовать примеру великих русских критиков Беллинского и Чернишевского. Основной задачей нашей критики является разрыв с нашей литературой, подлинное критическое реализм, который поможет писателям отойти от подражания устаревшему романтизму. Только на основе нового творческого метода, базирующегося на диалектически-материалистическом мировоззрении, наши писатели сумеют стать на высоту подлинного художественного служения обществу. К этим выводам пришел и г. Табари в своем очень содержательном докладе, и они нашли отражение в резолюции, принятой с'ездом. Принятая резолюция призывает писателей на борьбу с реакцией и к искоренению остатков феодального мракобесия. Она призывает также к углублению культурных связей со всеми демократическими странами мира, особенно с Советским Союзом. Далее резолюция подчеркивает необходимость развития подлинной литературной критики и выработки нового реалистического стиля, соответствующего духу нашей эпохи. С'езд просил президиум взять на себя инициативу по организации союза иранских писателей.

С'езд показал, насколько полезен живой контакт между писателями. Работа его выявила общую тенденцию к обновлению. Почти у всех писателей чувствовалось стремление так или иначе сделать свое творчество с современности. Именно союз писателей, наряду с выполнением административных функций защиты авторских прав и интересов, мог бы в Иране стать центром и чисто литературно-творческого мракобесия. Она призывает также к углублению культурных связей со всеми демократическими странами мира, особенно с Советским Союзом. Далее резолюция подчеркивает необходимость развития подлинной литературной критики и выработки нового реалистического стиля, соответствующего духу нашей эпохи. С'езд просил президиум взять на себя инициативу по организации союза иранских писателей.

С'езд показал, насколько полезен живой контакт между писателями. Работа его выявила общую тенденцию к обновлению. Почти у всех писателей чувствовалось стремление так или иначе сделать свое творчество с современности. Именно союз писателей, наряду с выполнением административных функций защиты авторских прав и интересов, мог бы в Иране стать центром и чисто литературно-творческого мракобесия. Она призывает также к углублению культурных связей со всеми демократическими странами мира, особенно с Советским Союзом. Далее резолюция подчеркивает необходимость развития подлинной литературной критики и выработки нового реалистического стиля, соответствующего духу нашей эпохи. С'езд просил президиум взять на себя инициативу по организации союза иранских писателей.

Тегеран.

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРВОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

Перевыборы секции прозаиков

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Творческие секции Ленинградского отделения ЦСП проводят собрания, посвященные обсуждению постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Первым состоялось собрание ленинградских прозаиков, с докладом выступил И. Брагини.

— Уже тот факт, что секцию возглавлял Зошенко, — говорит И. Брагини, — ярко характеризует допущенные нами ошибки и во многом определяет серьезные недостатки в нашей работе. Секция прозаиков совершенно недостаточно занималась творческими проблемами, стоящими перед писателями, уделяла ничтожное внимание работе членов секции. Даже в тех случаях, когда проводились обсуждения новых книг, они фактически превращались в череду рефератов, нагромождение повести «Волшебник из Гель-Гюль». Многие говорили, что Леонид Борисов — талантливый писатель, что он умеет писать, но никто во весь голос, прямо и нелицеприятно не сказал об идеиных пороках этой книги. Секция не способствовала борьбе за высокую идеальность советской литературы.

Изложив план ближайших мероприятий, Брагини подчеркнул, что для скорейшего устранения ошибок, отмеченных в постановлении ЦК ВКП(б), требуется, чтобы в ближайшее время состоялось идеино-творческое начало проналоало всю работу секции прозаиков.

На собрании выступил Павел Далецкий, А. Зонин, И. Эвентов, Николай Брыкин, Иван Кратт, Павел Лукницкий и др.; они говорили о необходимости повысить политическую требовательность к творческой и общественной работе писателя, о помощи, которую может оказать секция в работе писателя над темами современности, над произведениями, показывающими героический труд советского народа, отображающими лучшие черты и качества советского человека.

— Постановление ЦК ВКП(б), — сказал выступивший на собрании прозаик Александр Прокофьев, — боевая программа большой работы советской литературы. Деятельность ленинградского отдела писателей ошеломлена сейчас огромным проектом. Только настоящей, полноценной работой мы можем исправить допущенные ошибки. От слов надо переходить к делу.

Тайным голосованием избрано новое бюро секции: Илья Брагини, Вера Панова, Виктор Бакинский, Иван Кратт, Иван Соколов-Микитов, Павел Далецкий, Георгий Холопов. Председателем секции избран И. Брагини.

В издательстве Академии наук СССР

Издательство Академии наук СССР готовит к печати ряд книг по истории русской и мировой литературы; четвертый том «Истории русской литературы» (второй половины XVIII в.), написанный научными сотрудниками Института литературы АН СССР (редакторы тома — проф. Г. Гуховский и проф. В. Десницкий); первый том «Истории русской критики» (XVIII в. и первая четверть XIX в.), написанный коллективом авторов (под редакцией чл.-корр. АН СССР П. Лебедева-Полянского); первый том «Истории американской литературы», охватывающий период от первых американских поселений до середины XIX в. (коллектив авторов — научных сотрудников Института мировой литературы им. А.М. Горького, редакция чл.-корр. АН СССР В. Жирмунского, проф. А. Дживелегова и др.). Под редакцией В. Жирмунского, А. Дживелегова и др. выйдет также второй том «Истории английской литературы» (от Великой французской революции до 60-х годов XIX в.), Авторы тома — научные сотрудники Института мировой литературы им. А.М. Горького.

Готовится к изданию пятый том «Трудов отдела древнерусской литературы» (под ред. чл.-корр. АН СССР В. Андриановой-Перетц) — сборник исследований научных сотрудников Института литературы АН СССР. В скором времени выйдет в свет первый том «Сочинения писателя» Института мировой литературы им. А.М. Горького под редакцией доктора филологических наук В. Кирпотица. Том состоит из статей и докладов по теории и истории литературы. Значительное место в нем занимает раздел о важнейшем значении русской литературы. Публикуются также письма И. С. Тургенева, имеющие большой историко-литературный интерес.

Кроме того готовится к печати под редакцией П. Лебедева-Полянского два сборника «Литературного наследия». Один из них посвящен А. С. Гринбегу, а другой Н. А. Некрасову.

В лектории МГУ

На днях, после летнего перерыва, возобновил свою деятельность лекторий Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В течение 1946-47 учебного года в лектории будет проведено несколько циклов лекций на литературные темы: «Русская классическая и советская литература», «Западная литература», «Литературная критика», «Теория литературы» и др.

ПЕРВЫЙ С'ЕЗД ИРАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

С 23 июня по 3 июля в Тегеране происходил Первый с'езд иранских писателей. На с'езде присутствовало 15 делегатов от столицы и от главных провинциальных центров. В качестве почетных гостей и членов президиума с'езда в нем приняли участие представители Ирана Ибрагим А. Сурков и директор Азербайджанского института литературы Дадни-Зиде. Их появление на с'езде было встречено горячими овациями.

Задача с'езда состояла в поведении итогов развития иранской литературы, обзоре ее состояния, а также определении ближайших задач. На с'езде были заслушаны доклады: г. Али Аскера Лекмата «О современной поэзии», доцента Тегеранского университета г. Ханляра «О современной прозе», автора данной статьи «О роли критики в современной литературе» и г. Табари «Об основных тенденциях в современной поэзии и литературе». На заключительном заседании ЦСП советской литературы и Бери Ибрагим «О советской литературе», выдвигавшие живой интерес у участников с'езда. На нескольких заседаниях некоторые делегаты с'езда читали свои прозаические и поэтические произведения.

В докладе о поэзии г. Хекмат отметил наличие в ней трех основных стилистических и жанровых направлений за последние пятидесятилетия: первое — стилистически и тематически продолжающее традиции классической иранской поэзии; второе — смешанного характера, представители которого, при сохранении классической формы, вводят новую тематику и новые идеи, главным образом, социального характера; третье — собственно новаторское, развивающееся в новейший период, представляющее собой введением новой тематики, интуит и новые поэтические формы от-

части по линии замещения их с Запада. Хронологически в развитии поэзии за последние годы докладчик различает четыре периода, которые он ставит в тесную зависимость от определенных социально-политических событий, оказавших влияние на весь ход развития иранской литературы. Первый — с 1896 до 1906, охватывающий последние годы царствования Наср-Эддина-шаха, царствование Мозафер-Эддина и до революции 1906 г., — характеризуется почти полным застоем классических каноничности, но при наличии первых попыток введения новых прогрессивных идей, влияний с Запада. Проникновение западного влияния идет главным образом, сверху, через высшие и придворные круги. Новая поэзия еще тесно связана со двором. Появление перламутра жиды и журналов оказало также влияние на поэзию в смысле введения новой тематики и демократизации поэтического языка.

Второй период — с 1906 по 1923 г., годы революции и провозглашения конституции и до воцарения Реза-шаха, — сыграл значительную роль в эволюции всей иранской литературы и поэзии в частности. Она насыщается социальной и революционной тематикой и в лице выдающихся поэтов становится главным проводником прогрессивных идей. Именно на этот период падает самый значительный рост поэзии и повышение ее идеологического уровня. Однако здесь следует отметить, что старые классические формы все еще являются основными, и новая тематика мало изменяет их.

Третий период — 1924—41 гг., время десятилетия оппозиции, — характеризуется поведением свободы печати не только не благоприятствовало дальнейшему росту поэзии, но и значительной мере затормозило его. Цензурный гнет изгоняет революционную тематику из официальной печати, на страницах которой появляются, главным образом, переписыв традиционных моралистических тем и дешевое словословие режиму в стиле классических похвалных ода.

Четвертый период — с 1941 г. до наших дней — открывается крушением деспотического правления Реза-шаха и заменением собой новым подем поэзии. Напряженная борьба между пережитками полуфеодалского строя и новыми, демократическими формами, характеризующая общественно-политическую жизнь Ирана за последние пятилетие, полностью отражается в современной поэзии. Обновление идет и по линии тематической и по линии формальной. На страницах прессы усиливается тенденция прессы поэзия занимает выдающееся место. Поэты впервые приобретают массового читателя. Они ведут активную политическую борьбу и в их рядах преобладают представители революционных и прогрессивных направлений. Все отчетливее выявляются подлинно новаторские искания в области формы и композиции стиха. Усиливается влияние иностранной, в частности советской литературы. Особое развитие получают политические и сатирические жанры — ода, поэмы, памфлеты. В настоящее время иранская поэзия, по мнению докладчика, стоит на пороге нового и значительного расцвета.

В оживленных прениях по докладу большинство оппозиции поставило в ущерб докладчику отсутствие критического освещения материала. Докладчик, например, мало коснулся основных недостатков современной поэзии: все еще продолжающегося застоя «формализма», поверхностного понимания обновления, как введения новых словесных оборотов вместо подлинного